

Сергей Бондарин

Кораблик Паустовского*

В молодости мы увлекались знаменитыми морскими сражениями.

Как-то вновь заговорили о грандиозном Ютландском бое времен первой империалистической войны и вспомнили при этом один примечательный, весьма любопытный и, как ни странно здесь сказать, очень трогательный эпизод.

Артиллерийский бой двух могущественнейших флотов мира – Великобритании и Германии, – решавший судьбу войны, шел на больших дистанциях, доступных только главным калибрам артиллерии.

На западе долго погасала июньская северная заря, и поэтому в той стороне, несмотря на мглу дымов, еще хорошо очерчивались стройные силуэты британских дредноутов, шедших под флагом адмирала Джеллико.

Немецкие эскадры старались сохранить более выгодную позицию. Их энергичный командующий, адмирал Шеер, маневрировал, держась к востоку от Джеллико, – здесь видимость его кораблей терялась в наплывающих туманах.

Но так или иначе весь горизонт – и на востоке, и на западе – вздрагивал в молниях пушечных залпов. И повсюду, то тут, то там, вдруг взбрасывались гигантские фонтаны – всплески недолетов двенадцати- и четырнадцатидюймовых снарядов. И вот тогда-то внезапно со сражающихся кораблей заметили жалкую скорлупу какого-то парусного суденышка; время от времени захлестываемое брызгами зловещих фонтанов, рыбацье суденыш-

* Из книги «Парус плаваний и воспоминаний». – Москва: Советская Россия, 1971 г.

Сергей Владимирович

ко из всех сил старалось держаться на своем курсе под перекрестным огнем двух империалистических флотов.

Эпизод этот включен в официальный отчет Британского адмиралтейства о Ютландском сражении.

В разговоре Паустовский заметил:

– Кораблик попал в историю не напрасно!

Собирая морщинки у глаз – уже тогда у Константина Георгиевича была эта особенность

внимательного и доброго собеседника, – он улыбнулся, помолчал, может быть, заново представляя себе картину грандиозного боя в океане и занесенное сюда суденышко, сказал:

– Удивительнейшая аллегория! И как хорошо, что эпизод включен в отчет адмиралтейства... Очень хочется, – и он опять улыбнулся, – чтобы и наш кораблик тоже был замечен с флагманских кораблей...

Мы понимали, о каком кораблике идет речь. Не смели мы думать, что станем командирами линкоров, каждый из нас хотел быть хотя бы матросом на кораблике, а потом, может, и на корабле.

Метафора, разумеется, выиграла бы в своей точности, если бы на флажтоках одной из сражающихся эскадр развевался флаг революции и такой же – на нашем корабле.

Прекрасное время творческих мечтаний молодости! Едва ли есть что-нибудь более бескорыстное, чем этот эгоизм...

Так вон, думается мне, что теперь уже можно спросить: исполнилось ли пожелание Константина Георгиевича, совпадающее с нашим?

Будем говорить о нем самом.

Библиографической статистике нетрудно подтвердить популярность книг Константина Паустовского, а тем самым – размах, глубину и пользу его духовного влияния. И это не может не радо-

вать не только его друзей, но каждого интеллигентного человека: первейшая забота художника – учить свой народ чувствовать и думать, в трудно постижимых сплетениях жизни отличать добро от зла, утверждать художественный вкус и правду, именно ту правду, что создает душу народа, – именно такая забота всегда не давала покоя Паустовскому – от времен еще более ранних, чем появление его первой крупной книги – «Кара-Бугаз», – и до наших дней, до последних глав его обширной художественной автобиографии.

Упорный, радостный труд любимого писателя, больше всего желающего сохранить для людей прелесть, радость жизни, сочтенная с художественной жизнью нашей страны, уже не может быть этой жизни без голоса Паустовского.

Неверно думать, будто только имена великих открывателей земель или тайн природы возбуждают волнующий романтический интерес. Издревле душа человеческая тянулась к высоким примерам жизни, и тут находя то, в чем она нуждается. Когда-то «жития» наших предков, печатное слово о них выходило далеко за пределы церковных или религиозных интересов. Так и в наши дни жизнь истинного художника, его речи, слова, поступки, жест – всегда на виду. И горе тому из причисляющих себя к художникам, кто не хочет этого знать.

Паустовский всегда помнил завет Пушкина о том, что слово поэта – это уже есть его дело; Но он знал также, что каждый день писателя должен быть делом художника. Это знание было в самой крови у Паустовского. И слава богу, что иным он быть не может! Слава богу, что мы всегда видим его именно таким: все нуждаются в радости любви к природе, в примерах достойной жизни, в чистоте детства и юности, в дружбе с Паустовским.

Вот так и начинает сочиться понемножку, течь и течь, и потом растекаться неудержимо и щедро легенда о человеке, жившем среди нас, ломавшем наш общий хлеб.

Милый Константин Георгиевич! А ведь мы помнили тебя еще молодым журналистом.

В ту пору Паустовский еще не был автором общеизвестных книг. Только позже он, случалось, застенчиво вынимал из внутреннего кармана пиджака или из толстой «Лоции Черного моря»

маленькую книжечку небольших экзотических рассказов, изданную в библиотеке «Огонек»: «Минетоза». «Минетоза» – так называлась первая, если не ошибаюсь, книжечка Константина Паустовского с его первым книжным портретом на обложке...

Еще и теперь помним его таким, каким выглядел наш старший товарищ на том портрете – молодого, склоненного над свежееотпечатанной полосой газеты в тихой прокуренной редакции черноморского «Моряка».

Все мы помним то время страны, приступившей к веселой и нелегкой работе, и веселой, и грандиозной, как сражение дредноутов. Помним многих людей, впоследствии благодарно описанных Паустовским. Мы вместе слушали шум Черного моря, а позже – тишину Мещерских лесов...

Паустовский помог нам полюбить глубокий голос русской истории и радостное волнение мечтаний о будущем. И воспоминание о любой встрече с самим Паустовским, с любой его книгой всегда наполняет душу, не постесняюсь сказать, нежной благодарностью.

О значении Паустовского уже написаны книги на многих языках – и что же в этом удивительного! Всегда радостно думать и говорить о человеке, которому хочешь верить. А Паустовский не раз подтверждал, что ему верить можно, как он сам верил своей совести.

Но что же сказать о Паустовском прежде всего? Как сказать о нем короче всего и вернее всего? Думаю, вопрос не тщетный, если ты готов говорить о любви к самому Паустовскому, к художнику, всегда и прежде всего озабоченному художественным выражением собственной душевной верности народу и его интеллигенции.

Конечно, страшно смотреть на то, как легкий и храбрый кораблик идет под ветром между сражающимися эскадрами в море, потрясаемом пушками эпохи. И все-таки веришь: этот парус непременно должен был мелькать над океаном даже в разгар битвы, потому что он напоминает людям об истинных ценностях и целях жизни.

Паустовский был прав, когда воскликнул: «Не напрасно занесло сюда это суденышко!». Вся картина боя была бы без него беднее.

Есть морские обычаи, одинаковые для всех морей, широт и флотов. К ним принадлежит капитанский час – время, когда капитаны кораблей, находящихся в плавании в том или ином районе, вступают в переговоры между собой. Говорят обо всем: о минувшем шторме, о запасах топлива, о событиях на корабле, о своих семейных делах.

В дальних водах, у Курильских островов однажды случился капитанский час особого рода. Об этом и расскажу.

Накануне я спорил с моим приятелем. Он никак не соглашался со мною, что всему морскому не чужда романтика. Он ворчал:

– Какая тута (конечно, это он нарочно говорил так: тута), ну какая тута романтика. Романтика – это фантазерство, а море – реальность, и оно не любит фантазеров, разных там фантастов и фантомасов, море не любит чужих. Посуди сам: вот у рыбаков трал идет пустой, и пусть сейчас над ним летит чайка или пламенеет закат, все равно рыбак будет кусать локти. Это молодые едут за туманом, а нам, старикам, нужно семью поднять – не до романтики. Слезы? Слезы я видел. Я видел, как рыбаки плачут слезами, когда подынешь трал или невод, а он вдруг прорвался, и рыба вывалилась, а чтобы над книжкой плакали, ей-богу, я этого не видел. Ну, вот, правда, моего сына, Ваську, случилось, не оторвешь от книжки, уткнется, трет глаза пальцем...

Свою длинную тираду штурман вдруг прерывает, как говорится, на самом интересном месте, молчит.

Я спрашиваю:

– Так что же за книжка такая – интересно?

– Паустовского, – ответил штурман и вдруг задумался.

И что сказать, видимо, задумался не зря. Капитанский час – море разговаривает с берегом, корабль с кораблем... Но есть же и литературный час – это когда с сердцем разговаривает сердце.

Вот это и случилось.

Известие о его смерти пришло на судно по радио. Мы были далеко в океане. И как всегда – печально-осеняющая весть быстро разнеслась по судну, но я, чем-то занятый в своей каюте, еще не знал об этом, когда ко мне постучались.

За дверью стоял штурман-антиромантик.

– Один?

Уже в этом обращенном ко мне вопросе было что-то неожиданное и тревожное. Штурман пристально посмотрел на меня:

– Еще не знаешь?

– Ну, в чем дело, говори!

– Умер Паустовский.

Штурман знал от меня, что Константину Георгиевичу плохо – он очень болен, знал он еще, что сын его читает книги Паустовского... Что еще мог знать о Паустовском этот моряк? Но он пришел ко мне с готовым предложением, одобренным капитаном: капитанский час сегодня будет отменен, вместо капитанского, если я согласен, будет объявлен час литературный, посвященный памяти Паустовского.

К вечеру мы подошли к Курильским островам. Вершины вулканов были в тумане, но кипящая пена прибоя у прибрежных скал была хорошо видна.

Здесь, у Курильских островов, и состоялся литературный час на судне, населенном рыбаками и туристами, и эта встреча посвящалась Паустовскому.

Время объявили по судовой трансляции, а просторная каюта, обращенная в этот час к закату, уже заполнилась.

Право сказать прощальное слово над гробом товарища, старшего друга, печальное и тяжкое право. Легче душе, когда мысль о человеке, с которым расстаешься, ясна и свободна. Не надо было искать слова и мне о горестном значении утраты.

Легко было говорить о добре и доброте, о чести и мужестве, столь нужных, необходимых для нас. Как много он делал для защиты чести и справедливости, а «эстетика – это прежде всего честность».

Был с нами еще один человек, который тоже хотел сказать, что думает о Паустовском. Он хорошо сказал.

– Все мы, современники Паустовского, – сказал он, – стали свидетелями трагического и великого превращения. На наших глазах писатель перешел от своей короткой творческой жизни к жизни долговременной, присущей тем, кого принято помнить всегда. Над могилой Паустовского прибьют табличку с цифрами – датами его рождения и смерти. Между этими двумя знаками будет черточка. Вот эта черточка и заставляет нас задуматься. Она,

а не цифры. Есть главное – есть жизнь, о которой мы говорим. В черточке, отметившей жизнь писателя, и заключено: кем он был, кем будет.

А кем он был? Кем будет?

Паустовский был ласков к человеку. Это очень верно. Несомненно, доброта, ласковая рука водили им, то есть хочу я сказать, доброта водила его рукой, и ради этого он писал. Ему постоянно нужно было выражать душевную свою потребность в ласке и в добре, благодарность природе, самой жизни. Все трогало его, как ребенка. Он всегда сохранял это драгоценное свойство и всегда старался продлить детство в других. Художник – он хотел научить других признать прелесть морей, рек и лесов, небо в полдень и на закате, звезду полей и успокоительную нежность женского лица и прикосновения, печаль осенней листвы, потому что осенняя печаль расширяет душу...

В последние годы мы встречались редко. И он при этих встречах казался мне каким-то иным, не таким, каким был прежде в годы узнавания.

Однажды он сказал:

– До сих пор я писал о том, как я жил. Теперь я хотел бы писать о том, как я хотел жить.

Уже не было для этого ни времени, ни сил.

А можно догадаться, что он хотел бы чаще видеть вокруг себя счастливых людей...

Так рассказали мы о Паустовском рыбакам и романтикам-туристам. Люди слушали внимательно, на глазах у женщины блеснули слезы, и что мне особенно приятно сказать – я видел, как мой приятель штурман искоса поглядывает на эти слезы – строго и смущенно.

Думаю, это хорошо, что в океане на корабле, населенном романтиками-туристами и рыбаками, следующими в районы своего промысла, далеко в океане состоялся литературный час, посвященный памяти Паустовского, и хорошо, что для него было отведено как раз то время, когда море разговаривает с землей, судно с судном.

«Будьте верны музе далеких странствий, – писал Паустовский, – и путешествуйте в меру своих сил и свободного времени. Потому

что каждое путешествие – это проникновение в область значительного и прекрасного».

Мы разошлись, когда уже совсем стемнело и на горизонте резко светилась полоска зари. Неверно думать, что восходы и закаты одинаковы и у Курильских островов, и на опушке Мещерского леса. И этот закат был прекрасен, и я его никогда не забуду. Не забуду и ту чайку, которая белела за кормой судна, как нарочно. Нет, не только чайки, восходы и закаты составляют романтику неохватной нашей жизни. Меняется романтика, меняются люди, может быть, изменит свой взгляд и милый штурман...

Но почему, почему так много утрат?

Каждое путешествие – это проникновение в область прекрасного, – думалось мне, – а что же это за путешествие, в которое ушел Паустовский и которое суждено совершить всем нам, – и тем, кто в самом деле путешествовал всю жизнь, и тем, кто никогда не выходил дальше своего порога...

